

УИЛАА СИБЕРТ КЭСЕР

Песня жаворонка

Магистраль. Главный тренд

Уилла Сиберт Кэсер

Песня жаворонка

«ЭКСМО»

1915

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Кэсер У.

Песня жаворонка / У. Кэсер — «Эксмо», 1915 — (Магистраль.
Главный тренд)

ISBN 978-5-04-254206-0

В маленьком Мунстоуне, среди открытых равнин, яркого света и суровой повседневности, растет девочка, которой суждено услышать в себе нечто большее, чем обычную мечту о другой жизни. Тея Кронборг рано понимает: ее путь — музыка. Но дар сам по себе еще не спасение. Чтобы стать собой, ей придется вырваться из бесформенного существования, выдержать долгие годы труда, внутренней дисциплины и одиночества, научиться отличать подлинное от ложного и сохранить в себе ту страсть, без которой нет искусства. Первые шаги на этом пути Тея делает в родном городке, затем уезжает в Чикаго, где открывает в себе подлинный вокальный дар, чтобы в конце концов стать большой оперной певицей. «Песнь жаворонка» — это история о рождении артистки и о духовном взрослении, о силе желания, которая преодолевает расстояния, и о том, как человеческая душа, подобно жаворонку, поднимается ввысь над простором родной земли. «Песнь жаворонка» входит в «Небраскскую трилогию» — «О пионеры!», «Песня жаворонка» и «Моя Антония». История в лучших традициях Эдит Уортон и Луизы Мэй Олкотт. Уилла Сиберт Кэсер (1837—1947) — выдающаяся американская писательница. В 1923 г. она была удостоена Пулитцеровской премии за роман «Один из наших» (1922), описывающий времена Первой мировой войны.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-254206-0

© Кэсер У., 1915

© Эксмо, 1915

Содержание

Часть I	7
I	7
II	11
III	15
IV	17
V	22
VI	25
VII	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Уилла Сиберт Кэсер

Песня жаворонка

Willa Sibert Cather
The Song of the Lark
1915

© Харитонова С., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Часть I

Друзья детства

I

Доктор Говард Арчи вернулся в свой кабинет после игры в пул с еврейским торговцем одеждой и двумя путешественниками, остановившимися на ночь в Мунстоуне. Кабинет располагался на улице Дьюк-Блок, на втором этаже над аптекой. Ларри, слуга, зажег верхний свет в приемной и двухрожковую настольную лампу в кабинете. За слюдяными оконцами угольной печки плясало пламя, и в кабинете было так жарко, что доктор открыл дверь в маленькую неотапливаемую операционную. Приемная, чинно обставленная и застеленная ковром, походила на необжитую гостиную сельского дома, кабинет же, пусть и с потертым некрашеным полом, излучал зимний уют. На просторном крепком столе лежали аккуратные стопки бумаг под стеклянными пресс-папье, рядом с печкой высился широкий книжный шкаф от пола до потолка с двойными стеклянными дверцами, заполненный книгами всевозможных цветов и размеров. На верхней полке выстроились в ряд тридцать-сорок томов в одинаковых переплетках из темного пестрого картона с корешками под кожу.

Если в Новой Англии деревенский доктор непременно стар, то в маленьких городишках Колорадо двадцать пять лет тому назад доктора, напротив, обыкновенно были молодыми. Доктору Арчи едва исполнилось тридцать. Высокий, с массивными, всегда напряженными плечами, с крупной красивой головой, он считался видным мужчиной – во всяком случае, в этих краях.

У него был прямой широкий нос и умный взгляд. Рыжевато-каштановые волосы, разделенные сбоку аккуратным пробором, по-особенному спадали на высокий лоб. Завитые рыжеватые усы и эспаньолка придавали доктору некоторое сходство с портретами Наполеона III. На крупных ухоженных ладонях некрасивой формы курчавились рыжеватые волоски. Он всегда хорошо одевался, и этим вечером на нем был синий костюм из шерстяной саржи в крупный рубчик.

Доктор зажег лампу на столе поярче, присел на крутящийся стул и огляделся со скучающим видом, нервно постукивая пальцами по коленям. Взглянул на часы, рассеянно вынул из кармана связку маленьких ключей и задумчиво уставился на один из них с едва заметной презрительной улыбкой. За дверью, ведущей в холл, под дорожным пальто из буйволловой кожи, стоял запертый шкафчик. Доктор машинально открыл его, смахнув грудю грязных калош. Внутри обнаружились графины и стаканы для виски, лимоны, сахар и бутылочки с горькими настойками.

В пустом холле раздались гулкие шаги, затем скрипнула дверь в приемной. Доктор вновь закрыл шкафчик на замок и небрежно поприветствовал вошедшего:

– Добрый вечер, мистер Кронборг. Садитесь.

Посетитель, высокий рыхлый мужчина с редкой каштановой бородкой, подернутой седой, был одет в сюртук, широкополую черную шляпу и белый батистовый галстук. На носу сидели очки в стальной оправе. С важным, напыщенным видом мистер Кронборг приподнял полы сюртука, прежде чем усестись, и проговорил торжественно, но в то же время слегка смущенно:

– Добрый вечер, доктор. Не могли бы вы заглянуть ко мне домой? Полагаю, нынешним вечером миссис Кронборг будет в вас нуждаться.

– Спешно? – бросил доктор через плечо и скрылся в операционной.

Мистер Кронборг кашлянул, прикрыв рот рукой, и нахмурился, чтобы не расплыться в глупой восторженной улыбке. Призвав на помощь профессиональный тон проповедника, он ответил:

– Что ж, я полагаю, стоит отправиться немедленно. Миссис Кронборг будет спокойнее в вашем присутствии. Она страдает уже некоторое время.

Доктор поставил на стол черную сумку, написал несколько распоряжений для своего слуги на бланке рецепта и надел пальто.

– Я готов, – объявил он, потушив лампу, и поспешил за мистером Кронборгом вниз по лестнице.

Свет в окнах аптеки уже не горел, салун по соседству как раз закрывался. Все прочие огни на Мейн-стрит были погашены. На обочинах вдоль дощатых тротуаров по обе стороны дороги высились снежные брустверы. Казалось, жизнь едва теплится в маленьком темном городке, погребенном под снегом. На небесах ослепительно сияли звезды, и в прозрачном воздухе слабо светились белые песчаные холмы к востоку от Мунстоуна. Следуя за преподобным Кронборгом по узкой улочке мимо спящих домиков, доктор посмотрел на блистающие небеса и тихонько присвистнул. До чего же глуп человек, если в такую ночь не находит ничего лучше, чем спать девять часов кряду или помогать миссис Кронборг в деле, с которым она превосходно справилась бы самостоятельно! Доктор пожалел, что не поехал в Денвер – слушал бы сейчас пение Фэй Темплтон¹... Впрочем, он все-таки имел личную заинтересованность в этом семействе.

Путники свернули на другую улицу, и впереди показались освещенные окна невысокого полутораэтажного дома. Справа к нему было пристроено крыло, сзади кухня, и весь он – крыши, окна, двери – выглядел немного скособоченным. Мистер Кронборг ускорил шаг. Его нервное покашливание, будто перед проповедью, раздражало доктора. Сняв перчатку, он вынул из кармана горсть пастилок от кашля.

– Возьмите, Кронборг. Мне прислали на пробу. Отлично помогает при охриплости.

– Ох, спасибо, спасибо, доктор! Я так спешил, что даже не надел калоши. Вот мы и пришли! – оживленно проговорил тот, чрезвычайно довольный вновь оказаться дома.

В прихожей было темно и холодно. Невообразимое множество детских капоров, шапок и плащей свисало с вешалки и громоздилось на соседнем столике, под которым высилась груда калош и резиновых сапог. Пока доктор вешал пальто и шляпу, мистер Кронборг открыл дверь в гостиную. Навстречу брызнул свет и горячий спертый воздух, пахнувший теплой фланелью.

Сделав дело, в три часа утра доктор Арчи уже надевал манжеты и пальто – лишней спальни в доме не имелось. Седьмой ребенок Питера Кронборга, мальчик, качался на руках у тетушки под ласковое воркование. Миссис Кронборг спала. Доктор собрался идти домой, но прежде хотел поговорить с Кронборгом, который, сбросив сюртук, в радостном возбуждении сыпал уголь в кухонную печь. Проходя через столовую, доктор замер и прислушался. Из комнаты в пристройке, по левую сторону коридора, доносилось лихорадочное дыхание. Он заглянул на кухню и спросил:

– Кто-то из детей болеет?

Кронборг повесил на место кочергу и отряхнул руки.

– Должно быть, это Тея – у нее круп. Я хотел попросить вас ее осмотреть, но от волнения забыл. Миссис Кронборг хорошо справляется, верно, доктор? Полагаю, у вас немного пациентов с подобной конституцией.

– Да, она прекрасная мать.

Доктор взял лампу с кухонного стола и без церемоний прошел в комнату. На двуспальной кровати сопели, свернувшись клубком и натянув одеяла до самого носа, два пухлых мальчу-

¹ Фэй Темплтон (1865–1939 гг.) – американская актриса, певица и композитор, театральная звезда своего времени. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

гана. На односпальной лежала без сна девочка одиннадцати лет, раскидав соломенные косички по подушке. Ее лицо горело, глаза лихорадочно блестели.

Доктор закрыл за собой дверь и вынул градусник.

– Совсем разболелась, Тея? Почему не позвала кого-нибудь?

Девочка впилась в него взглядом, полным обожания, и проговорила, задышавшись:

– Я так и думала, что вы здесь. Малыш родился? Какой?

– Какой?.. – переспросил доктор.

– Братик или сестренка?

Он с улыбкой присел на краешек кровати и взял девочку за руку.

– Братик. Открой рот.

– Хорошо. Братья лучше, – неразборчиво пробормотала она с градусником во рту.

– А теперь помолчи, мне нужно посчитать. – Доктор Арчи взял ее за запястье и уставился на часы. Закончив, спрятал руку девочки под одеяло, приоткрыл одно из двух плотно закрытых окон и пощупал холодную, неоклеенную стену. Затем посмотрел в свете стеклянной лампы на градусник, велел: – Полежи смирно под одеялом, я скоро вернусь, – и подмигнул, закрывая за собой дверь.

Питер Кронборг сидел в комнате жены и держал на руках сверток с новорожденным сыном. Веселая важность преподобного, борода и очки, даже рукава рубашки раздражали доктора. Он поманил Кронборга в гостиную и сурово сказал:

– У вас очень тяжело болеет ребенок. Почему вы не пригласили меня раньше? Это воспаление легких, и она наверняка больна уже несколько дней. Будьте добры, положите младенца и помогите мне устроить постель здесь, в гостиной. Девочка должна лежать в тепле и покое. Не пускайте к ней других детей. Я вижу, из этого можно сделать кровать. – Он опустил спинку коврового дивана. – Мы можем принести ее сюда прямо на матрасе, чтобы лишний раз не тревожить.

Кронборг немедленно засуетился. Вместе с доктором они перенесли больную девочку в гостиную.

– Мне нужно сходить к себе за лекарством, Кронборг. Аптека еще не работает. Я скоро вернусь, а вы следите, чтобы она не скинула одеяло, и подбросьте угля в печку – не слишком много, чтобы быстрее разгорелось. И согрейте мне какую-нибудь старую простынь.

Схватив пальто, доктор стремительно вышел. На улице еще было темно, все спали, и стоял лютый мороз. Доктор Арчи устал, хотел есть и испытывал огромное раздражение.

– Как можно быть таким ослом в его-то возрасте! – бормотал он на ходу. – Так носиться с седьмым ребенком и совершенно не позаботиться о маленькой девочке! Глупый старый козел! Младенец уж как-нибудь появился бы на свет сам, дело нехитрое. Но эта славная девочка стоит их всех. В кого только пошла...

Он свернул на Дьюк-Блок и взбежал по лестнице в свой кабинет.

Тея Кронборг тем временем гадала, как очутилась в гостиной, где никогда не спал никто, кроме гостей – обычно других проповедников. Она то впадала в забытие, то приходила в возбуждение, словно предчувствуя неожиданное и приятное событие. В такие мгновения она видела все особенно отчетливо в красном свете, лившемся из слюдяных окошек угольной печки: никелевую отделку самой печи, картины на стенах, казавшиеся ей прекрасными, цветы на брюссельском ковре, «Ежедневные упражнения» Черни² на пюпитре фортепиано. О новорожденном она совсем забыла.

Когда скрипнула входная дверь, Тея поняла, что приятное событие – это сам доктор Арчи. Тот вошел и стал греть руки у печи. Когда он обернулся, девочка в изнеможении потя-

² Карл Черни (1791–1857 гг.) – австрийский композитор, пианист, один из лучших преподавателей фортепианной игры своего времени и автор большого количества этюдов для отработки навыков.

нулась навстречу и упала бы с кровати, не подхвати ее доктор. Он дал ей лекарство и вышел на кухню, а Тея задремала, забыв о его присутствии. Когда она вновь открыла глаза, доктор стоял на коленях у печи и большой ложкой размазывал по белой простыне какую-то темную вязкую массу, похожую на тесто. Потом Тея ощутила, как доктор снимает с нее ночную рубашку, оборачивает грудь горячим пластырем и закалывает лямки на плечах. Когда он вынул иголку с ниткой и принялся зашивать Тею в эту обертку, она решила, что видит странный сон, и покорилась дремоте.

Тея стонала при каждом вздохе, однако сама того не сознавала и не чувствовала боли. В краткие мгновения бодрствования она словно находилась за пределами своего тела – то на крышке пианино, то на лампе, глядя, как доктор орудует иголкой. Все это было странно и неуловимо, как во сне. Хотелось проснуться и посмотреть, что происходит.

Доктор Арчи благодарил Небеса за то, что сумел убедить Питера Кронборга не вмешиваться. Ему хотелось полностью взять дело в свои руки, чтобы как следует ухаживать за больной. Несчастливый в браке, доктор не имел собственных детей. Беря Тею на руки, чтобы раздеть, он восхищался красотой детского тела: такое аккуратное и изящное, точно цветок, такое мягкое и молочно-белое. Маленькая шведка до кончиков ногтей, Тея унаследовала волосы и шелковистую кожу от матери. Доктор Арчи невольно представлял, как лелеял бы ее, будь Тея его дочерью. Такие маленькие горячие ручки, такие способные – он бросил взгляд на раскрытые ноты. Зашив на Тее жилетку, покрытую горячей массой из льняного семени, он аккуратно вытер излишки, вытекшие на кожу, одел девочку в чистую ночную рубашку, согретую у огня, уложил и подоткнул одеяло. Смахнул с ее лба выбившиеся пушистые пряди и задумчиво ощупал голову. Нет, она ничем не отличалась от головы любого другого ребенка, и все же Тея ничуть не походила на других детей. Он напряженно всматривался в широкое покрасневшее лицо, веснушчатый нос, энергичный маленький рот, нежный подбородок – единственную мягкую нотку в этих скандинавских чертах, будто ласковое прикосновение феи-крестной, таящее в себе некое послание. Брови, обычно упрямо нахмуренные, в присутствии доктора всегда разглаживались. Привязанность Теи была ему милее всего в Мунстоуне.

Небо за окном посерело. На чердаке загрохотали шаги, скатились по ступенькам, зазвенели детские голоса:

– Отдай мою рубашку!

– А где второй чулок?

«Придется остаться, пока они не уйдут в школу, – подумал доктор, – иначе замучают ее всей толпой».

II

В следующие четыре дня доктор Арчи боялся, что маленькая пациентка ускользнет у него из рук, как бы он ни старался. Однако она не ускользнула, а, напротив, стремительно пошла на поправку – должно быть, унаследовала «конституцию», которую отец не устал нахваливать в ее матери.

Как-то днем, неделю спустя после рождения младшего брата, Тея нежилась в лучах солнца на своей импровизированной постели в гостиной, когда вошел доктор Арчи. Рядом с кроватью стояло большое кресло-качалка, где спал на подушке новорожденный, и девочка покачивала его, когда тот начинал шевелиться. Из пеленок торчала только крупная лысая головка с красным одутловатым лбом. В соседней комнате, куда вела открытая дверь, сидела на кровати миссис Кронборг и штопала чулки. Это была невысокая крепкая женщина с короткой шеей и решительной осанкой. Гладкое светлое лицо в обрамлении соломенных волос, заплетенных в косу, дышало спокойствием и до сих пор казалось девически-свежим. Доктор Арчи уважал миссис Кронборг. Деятельная, практичная, невозмутимая, добросердечная и целеустремленная – именно такая жена нужна взбалмошному проповеднику. Она принесла мужу кое-какое приданое – четверть обширных отцовских земель в Небраске, – но сохранила имущественные права за собой. Миссис Кронборг питала огромное уважение к эрудиции и красноречию супруга, слушала его проповеди с глубочайшим смирением и восхищалась его накрахмаленными сорочками и белыми галстуками так, будто не сама утюжила их накануне вечером при свете лампы, чтобы на следующее утро они озарили кафедру своей безупречной чистотой. Несмотря на все это, она совершенно не верила в способность мистера Кронборга управляться с мирскими делами. Она рассчитывала на мужа в том, что касалось утренних молитв и благословения за столом, предоставляла ему выбирать имена для новорожденных, помнить о днях рождениях и годовщинах, давать родительские наставления и воспитывать в отпрысках идеалы нравственности и патриотизма. Себе же миссис Кронборг вменяла в обязанность поддерживать в относительном порядке здоровье, одежду и поведение детей, с чем справлялась прекрасно на зависть соседям и «ни одного не потеряла», как сама любила отмечать, а ее муж – восхищенно повторять. При всем своем легкомыслии Питер Кронборг ценил приземленность и пунктуальность, с какой жена производила детей на свет и вела по жизни. Он считал, и совершенно справедливо, что суверенный штат Колорадо в большом долгу перед миссис Кронборг и подобными ей женщинами.

Миссис Кронборг верила, что размер любой семьи решается на небесах. Более современным взглядам она не поразилась бы, а просто сочла бы их глупостью – вроде строительства Вавилонской башни или затеи одного из своих младшеньких разводить на птичьем дворе страусов. На чем основывалось мнение миссис Кронборг по этому и другим вопросам, сказать затруднительно, но, однажды усвоенное, оно оставалось непоколебимым. Ей не приходило в голову ставить свои убеждения под вопрос точно так же, как не приходило в голову ставить под вопрос Святое Писание. Спокойная, невспыльчивая, от природы добросердечная, она, тем не менее, была склонна к сильным предубеждениям и не умела прощать.

Когда доктор пришел навестить Тею, миссис Кронборг размышляла о том, что делать с накопившейся за неделю стиркой. Появление нового младенца требовало пересмотра всего распорядка домашних дел, и за штопкой она продумывала новый режим сна и уборки. Доктор вошел в дом без стука, но достаточно пошумел в прихожей, чтобы оповестить пациенток о своем прибытии. Тея читала, поставив перед собой книгу в свете солнца, падавшем из окна.

– Не делай так, это вредно для глаз, – предостерег Арчи, и девочка поспешила спрятать книгу под одеяло.

– Принесите малыша сюда, доктор, и усаживайтесь в кресло, – окликнула миссис Кронборг из спальни. – Тея хотела, чтобы он составил ей компанию.

Прежде чем взять на руки младенца, доктор, подмигнув, положил на колени Тее желтый бумажный пакет. У них был свой язык подмигиваний и гримасок. Когда доктор прошел в спальню, Тея осторожно открыла пакет, стараясь не шуршать, и вынула оттуда длинную гроздь белого винограда, кое-где еще покрытую упаковочными опилками. В Мунстоуне этот сорт назывался «малага» и появлялся в главном бакалейном магазине один-два раза за зиму, как правило, для украшения стола к Рождеству. Раньше Тее никогда не доводилось отведать больше одной виноградинки за раз. Когда доктор вернулся в гостиную, она держала гроздь на свету, любуясь полупрозрачными плодами, и осторожно трогала бледно-зеленую кожицу кончиками пальцев. Тея не сказала «спасибо», а лишь вскинула на доктора благодарный взгляд и на мгновение застенчиво прижала к щеке его руку, словно пытаясь сделать это незаметно для себя и для него.

Доктор Арчи уселся в кресло-качалку и спросил:

– Как Тея себя сегодня чувствует?

Он был не менее застенчив, чем маленькая пациентка, особенно в присутствии посторонних. Несмотря на всю свою статность, красоту и внешнее превосходство над другими горожанами, доктор Арчи редко чувствовал себя свободно и, как Питер Кронборг, часто прятался за профессиональными манерами. Временами все его рослое тело сковывало судорогой стеснения и неловкости, отчего он спотыкался о ковры и ронял стулья. Имея дело с тяжелыми больными, он забывал о себе, однако разговоры с выздоравливающими давались ему не без труда.

Тея свернулась клубком и с удовольствием посмотрела на доктора.

– Хорошо. Мне нравится болеть. Так намного веселее.

– Почему же?

– Не надо ходить в школу и заниматься на пианино, можно сколько хочешь читать, и тебе приносят подарки. – Она похлопала пакет с виноградом. – Было очень весело, когда я расшибла палец и вы велели профессору Вуншу не заставлять меня заниматься. Только все равно приходилось играть левой рукой. Несправедливо!

Доктор взял ее за руку и осмотрел указательный палец. Ноготь на нем рос слегка вбок.

– Не обрезай его слишком коротко с этой стороны, и тогда он вырастет прямым. Кривой ноготь тебя не обрадует, когда станешь взрослой девушкой, будешь носить кольца и обзаведешься поклонниками.

Тея скорчила гримаску и с любопытством уставилась на его новую булавку для галстука.

– Эта у вас самая-самая красивая! Вот бы вы подольше не уходили, чтобы мне налюбоваться. Из чего она?

Доктор Арчи рассмеялся.

– Это опал. Джонни-Испанец привез мне его из Чиуауа – тайком, спрятав в ботинке. В Денвере я заказал оправить его в булавку, а сегодня надел для твоего удовольствия.

Тея до странного любила драгоценности, немедленно загоралась страстью к каждому блестящему камушку, попавшему на глаза, и пропадала летом в дюнах, охотясь на кристаллы, агаты и кусочки розового халцедона. Ее коллекция найденных и выменянных камней занимала две коробки из-под сигар. Тея считала эти находки невероятно ценными и без конца представляла, как отдаст их в огранку.

– Что читаешь? – Пошарив под одеялом, доктор выудил сборник стихотворений Байрона. – Тебе нравится?

Смутившись, Тея быстро перелистала страницы и ткнула пальцем в стихотворение «Прощай, родной мой край».

– Это, – застенчиво проговорила она.

– А как насчет «Афинской девы»?

Тея покраснела, бросила на него подозрительный взгляд и пробормотала:

– Мне нравится «Канун Ватерлоо».

Доктор со смехом закрыл книгу. Этот том в громоздком, пухлом кожаном переплете когда-то подарили преподобному Питеру Кронборгу ученики воскресной школы, и с тех пор он украшал стол в гостиной.

– Приходи как-нибудь ко мне в кабинет, и я дам тебе почитать хорошую книжку на каникулы. Непонятные места можешь пропускать. Впрочем, к тому времени ты, возможно, сумеешь понять ее целиком.

Нахмурившись, Тея с тревогой посмотрела на фортепиано.

– На каникулах мне надо каждый день заниматься по четыре часа, да к тому же присматривать за Тором.

– За Тором?.. Ах, это вы младенца так называли? – изумился доктор.

Тея еще больше нахмурилась и поспешно проговорила:

– Имя хорошее, просто немножко старомодное. – Она очень боялась, что ее сочтут иностранкой, и гордилась тем, что в городе отец всегда проповедовал на английском – надо сказать, весьма книжном.

Питер Кронборг родился в старой скандинавской колонии в Миннесоте. Прихожанки шведской евангелической миссии поверили в таланты ленивого долговязого юнца и отправили его учиться в маленькую семинарию в Индиане, для чего много месяцев сэкономили, собирали милостыню и устраивали церковные ужины. Он и теперь достаточно хорошо помнил шведский, чтобы проповедовать и проводить похоронные службы в соседнем городишке Коппер-Хоул, а с кафедры в мунстоунской церкви вещал на довольно помпезном английском, выученном в семинарские годы по книгам. В речах мистера Кронборга непременно фигурировали «младенец Иисус», «Отец наш небесный» и прочие торжественные обороты, а в моменты искренности он говорил весьма бессвязно. Вероятно, его претенциозность во многом объяснялась тем, что он привык выражаться книжным языком, далеким от всего личного, естественного и домашнего. Миссис Кронборг со своими сестрами и золовкой Тилли говорила по-шведски, а с соседями общалась на английском. Тея, обладая чутким слухом, до школы не говорила вовсе, только издавала односложные звуки, и мать была уверена, что она родилась немой. Даже и теперь ее речь отставала от не по летам развитого ума. Тея мыслила ясно, но редко пыталась облечь мысли в слова, даже в школе, где превосходно справлялась с письменными работами, а устные ответы бормотала себе под нос.

– На днях я встретил на улице учителя музыки, тот спрашивал о твоём здоровье, – сообщил доктор, вставая. – Он и сам заболел, если будет расхаживать по такой слякоти без пальто и калош.

– Он бедный, – просто ответила Тея.

Доктор вздохнул.

– Боюсь, дело обстоит куда хуже. У вас все хорошо на занятиях? Он не выглядит пьяным?

Тея бросила на доктора сердитый взгляд.

– Он много знает. Больше всех. Мне без разницы, если он пьет. Он старый и бедный, – взволнованно проговорила она дрожащим голосом.

– Он хороший учитель, доктор Арчи, – заметила из соседней комнаты миссис Кронборг. – Нам стоит сказать спасибо его пьянству. Не имей он этой слабости, ни за что не очутился бы в нашем городке. Женщины, которые здесь учат музыке, ничего не умеют. Я бы не стала тратить на них время своего ребенка. Если профессор Вунш уедет, Тее не у кого будет учиться. При детях он держит себя в руках и не говорит дурных слов. К тому же миссис Келер всегда рядом, когда Тея занимается. Все хорошо, – спокойно и рассудительно заключила миссис Кронборг, явно уже размышлявшая на эту тему.

– Рад это слышать, миссис Кронборг. Хотелось бы мне отвадить старика от бутылки и немного помочь. Как думаете, сумеете вы уговорить его принять от вас мое старое пальто?

Она подняла глаза от штопки.

– А как же! Думаю, он будет рад. От меня что угодно примет. Хоть он и не покупает одежду, носить наверняка будет, если уж получит. У меня-то никогда нет для него лишних вещей – вечно перешиваю на свою ораву.

– Тогда сегодня вечером Ларри занесет вам пальто. Ты на меня не сердишься, Тея? – спросил доктор, беря ее за руку.

Девочка тепло улыбнулась.

– Нет, раз вы дарите пальто профессору Вуншу и еще всякое. – Она многозначительно похлопала по пакету с виноградом. Доктор наклонился и поцеловал ее в лоб.

III

Болезнь приятно, однако Тея по опыту знала, что возвращаться в школу всегда трудно и грустно. Однажды утром она встала рано вместе с Акселем и Гуннараром, с которыми делила комнату в пристройке, и поспешила в гостиную. Там, в тепле от угольной печи, младшие дети раздевались вечером и одевались утром. Старшие – Анна и двое братьев – спали наверху, где комнаты теоретически обогревались печными трубами нижнего этажа. Первое (и самое неприятное!), что предстояло Тее, – надеть свежестыранное колючее белье из красной фланели. Обычно мука одевания в свежую жесткую фланель выпадала на воскресенье, но вчера Тея вымолила себе свободу, поскольку все равно никуда не выходила. Зимнее белье доставляло неприятности всем детям, но Тея страдала больше остальных, поскольку ей от природы досталась самая нежная кожа. Пока она втискивалась в фланелевый комплект, тетушка Тилли принесла теплой воды из котла и наполнила медный кувшин. Тея умылась, заплела волосы и надела синее кашемировое платье, а поверх него – длинный передник с рукавами, который предстояло носить до самого выхода из дома. Гуннар и Аксель, сидя на ящике из-под мыла за печью, затеяли традиционную перебранку о том, кому достанутся самые тугие чулки, однако препирались шепотом, потому что отчаянно боялись сыромятного кнута миссис Кронборг. Та наказывала детей редко, но основательно – лишь суровая дисциплина могла обеспечить относительный порядок и тишину в переполненном доме.

Миссис Кронборг как можно раньше приучала маленьких детей – и девочек, и мальчиков – самостоятельно одеваться, заправлять постель, поддерживать одежду в порядке, есть что дадут и не путаться под ногами. Из нее вышел бы хороший шахматист: она умела продумывать ходы и позиции.

Анна, старшая дочь, выступала основным помощником и заместителем матери. Все дети знали, что Анну надо слушаться, а она упрямо настаивала на соблюдении приличий и не всегда судила справедливо. В воскресную школу юные Кронборги маршировали, как на парад. К образу мыслей своих детей миссис Кронборг была нетребовательна, не лезла к ним в душу и не читала нотаций, уважая каждого ребенка как личность. За пределами дома они пользовались большой свободой, однако в совместном быту подчинялись строгим правилам.

Зимой дети завтракали на кухне – сначала Гас, Чарли и Анна, пока младшие одевались. Девятнадцатилетний Гас работал приказчиком в галантерейной лавке, а Чарли, на полтора года младше, – в магазине кормов. Братья уходили в семь утра, и Анна с тетушкой Тилли, сестрой мистера Кронборга, накрывали стол для младших детей. Без помощи золовки миссис Кронборг пришлось бы тяжело, и она часто напоминала Анне, что наемная прислуга не была бы столь же заинтересована.

Мистер Кронборг, в отличие от жены, происходил из скромной необразованной семьи. Его предки обитали в бедных краях Швеции. Прадед отправился в Норвегию на заработки, устроился на ферму и женился на местной девушке. Норвежская кровь давала о себе знать в каждом поколении Кронборгов. Невоздержанность одного из дядьев Питера Кронборга, равно как и религиозную одержимость другого, приписывали норвежской бабке. И сам Питер, и его сестра Тилли больше походили на норвежскую родню, чем на шведскую. Норвежская натура ярко проявлялась и в Тее, хотя иначе.

Тилли в свои тридцать пять была по-детски взбалмошной дурочкой и обожала нарядные платья – что, как философски отмечала миссис Кронборг, никому не причиняло вреда. Вечно возбужденная, она болтала без умолку весь день напролет. В юности отец беспощадно нагружал ее работой на ферме в Миннесоте, и теперь Тилли была невероятно счастлива иметь «высокое положение в обществе». Брата она считала самым важным человеком в Мунстоуне, не пропускала ни единой церковной службы и, к немалому смущению детей, всегда выступала

на концертах воскресной школы с декламацией, почерпнутой из полной коллекции сборников «Стандартные декламации». Этим утром за завтраком Тилли распекала Гуннара за то, что он не выучил текст для выступления на школьном концерте в День Джорджа Вашингтона. Терзаемый угрызениями совести, Гуннар яростно набросился на гречневые оладьи с колбасками. Он понимал, что Тилли права и ему потом будет стыдно, однако проворчал, размешивая кофе:

– Мне все равно. Зачем заставляют выступать мальчиков? Пусть девчонки декламируют, они любят покрасоваться.

– Не для того это делается, чтобы покрасоваться. Мальчик должен уметь выступить за родину. И для чего отец купил тебе новый костюм, если ты не будешь декламировать?

– Для воскресной школы. И вообще, я прекрасно носил бы старый. Почему не задали декламацию Тее? – пробурчал Гуннар.

– Тея умеет играть и петь, ей незачем декламировать, – заявила Тилли, переворачивая оладьи на сковороде. – И ты, Гуннар, должен что-нибудь уметь. Вот вырастешь большой, захочешь попасть в общество – и что? Все спросят: «Петь умеешь? Играть умеешь? Говорить умеешь? Тогда вон из общества». Так и скажут, мистер Гуннар!

Гуннар и Аксель ухмыльнулись, переглянувшись с Анной, которая готовила завтрак матери. Они никогда не смеялись над тетушкой, но прекрасно понимали, что на некоторые темы та говорит глупости. Когда Тилли начинала нести чепуху, Тея обычно быстро переводила разговор на другое.

– Вы с Акселем дадите мне санки на перемене? – спросила она.

– На всю перемену? – с сомнением уточнил Гуннар.

– Если дадите, я вечером решу за тебя задачки.

– Идет. Их целая гора.

– Неважно, я быстро сделаю. А за тебя решить, Аксель?

Аксель, ленивый пухлый мальчик с красивыми голубыми глазами, буркнул, без энтузиазма намазывая маслом последнюю оладью:

– Да ладно, лень переписывать. Дженни Смайли даст мне свои.

Мальчикам предстояло отвезти Тею в школу на санках, чтобы она не провалилась в глубокие сугробы, поэтому все трое вышли вместе. Анна же училась в старших классах, носила шляпку, а не капор, как Тея, и предпочитала ходить в школу с подругами, а не с ребятней.

IV

«А на дворе стояло лето, прекрасное лето!» – так кончалась любимая сказка Теи³, и майским субботним утром она вспомнила эти слова, выбежав из дома с нотами под мышкой. Хотя впереди ждал урок в доме Келеров, она не спешила.

Настоящая жизнь начиналась только летом. Тогда тесные, переполненные домишки раскрывались навстречу ветру, напоенному сладостным ароматом земли и рассады. Все красили заборы, и город казался чистым, будто свежeweымытым. Тополя трепетали бликами липких желтоватых листочков, и розовели бутоны на пушистых тамарисках. Тепло несло свободу. Люди словно восставали из сугробов. Старики, которых не было видно всю зиму, выходили погреться на солнышке. С окон снимали зимние рамы, убирали в сундуки фланелевое белье, мучившее детей в зимние месяцы, и доставали хлопковое.

До дома Келеров предстояло пройти целую милю и даже больше – очень приятную загородную милю навстречу дюнам. Этим утром они светились желтизной, прорезанной темно-фиолетовыми прожилками обрывов и долин. Тея дошла по тротуару до склада на южной окраине города и свернула на восточную дорогу. Та вела к глинобитным домикам мексиканцев и круто спускалась в глубокое ущелье – русло пересохшей реки, вдоль которого бежала железнодорожная эстакада. За этим ущельем, на небольшом холме перед открытой песчаной равниной, стоял дом Келеров, где жил профессор Вунш. Фриц Келер, городской портной, был одним из первых поселенцев на этой земле. Он приехал и построил маленький дом с садом, едва Мунстоун нанесли на карту. У Келеров родилось трое сыновей, которые теперь работали на железной дороге и жили далеко отсюда. Один из них устроился в железнодорожную компанию «Санта-Фе» и поселился в Нью-Мехико.

Миссис Келер редко пересекала ущелье и бывала в городе только под Рождество, чтобы купить подарки и открытки для старых друзей во Фрипорте, что в штате Иллинойс. В церковь она не ходила и потому не имела шляпки, а неизменно носила теплый красный капор зимой и легкий черный – летом. Она сама шила себе платья с густо наборенными юбками длиной до щиколотки, предпочитала мужские ботинки и обычно донашивала обувь за своими сыновьями. Говорить по-английски миссис Келер почти не умела, а ее друзьями были садовые растения и кусты. Она жила ради своих мужчин и своего сада, где воссоздала уголок родной деревни в долине Рейна и спряталась от мира в тени деревьев, которые заботливо растила, поливала и подрезала. Среди слепящих песков на голой равнине миссис Келер глупела и слепла, словно сова. Тень, тень – вот чему были посвящены все ее думы и хлопоты. Летом сад в окружении тамарисков превращался в зеленые джунгли. Над вишнями, персиками и золотистыми сливами высилась на столбах ветряная мельница, которой эта зелень была обязана жизнью. А за тамарисковой изгородью все зарастало полынью, и неуклонно наступали пески.

Известие о том, что Келеры поселили у себя бездомного учителя музыки, потрясло Мунстоун. За семнадцать лет жизни в этих краях у Фрица не было других приятелей, кроме шорника да Джонни-Испанца. Тот и привел с собой Вунша из очередных странствий по салунам страны. Когда миссис Келер пришла на помощь, Вунш спал в грязной необставленной комнате над салуном, а его гардероб состоял всего из двух сорочек. Поселив несчастного под своей крышей, пожилая немка взялась за него, как за свои посадки. Она шила, стирала и штопала до тех пор, пока Вунш не приобрел настолько опрятный и приличный вид, что смог набрать учеников и взять внаем рояль. Получив оплату вперед, он немедленно отправил деньги в Денвер, чтобы выволить конфискованный за долги сундук с нотами из меблированных комнат при узкоколейке. Со слезами на глазах старик – в действительности не старше пятидесяти, однако

³ Неточная цитата заключительных слов сказки Г. Х. Андерсена «Снежная королева».

до крайности побитый жизнью – заявил миссис Келер, что молит Господа лишь об одном: окончить свои дни рядом с ней и упокоиться в саду под ее липами. То были не американские липы, а европейские, с золотистыми цветами, чей аромат превосходит запахи любых цветов и деревьев и наполняет безудержной радостью юные сердца.

По дороге Тея размышляла о том, что без профессора Вунша могла бы всю жизнь прожить в Мунстоуне, не зная Келеров, не побывав у них в саду и в доме. А там, помимо часов с кукушкой – чудесного предмета, составлявшего миссис Келер компанию в минуты одиночества, – имелась одна сказочно прекрасная вещь, о которой, впрочем, позже.

Профессор Вунш обычно приходил к ученикам на дом, но однажды объявил миссис Кронборг, что у Теи есть талант и лучше бы ей приходиться к нему, чтобы он давал урок прямо в тапочках. Миссис Кронборг – чудная женщина – превосходно поняла смысл слова «талант», который не понял бы никто в Мунстоуне, даже доктор Арчи. Для любой другой это значило бы, что ребенку надлежит каждый день завивать локоны и выступать перед публикой. Для миссис Кронборг это значило, что Тее надлежит заниматься по четыре часа в день. Талантливому ребенку полагается сидеть за пианино точно так же, как ребенку, больному корью, полагается лежать в постели. Сама миссис Кронборг и три ее сестры умели играть на фортепиано и хорошо пели, однако не имели таланта. Их отец, прежде чем отправиться в Америку на поиски фортуны, играл на гобое в шведском оркестре и даже был знаком с Дженни Линд⁴. Талантливого ребенка следует держать за пианино, поэтому дважды в неделю летом и раз в неделю зимой Тея ходила заниматься к Келерам, хотя Дамское благотворительное общество Мунстоуна находило неприличным для дочери пастора посещать дом, «где так много пьют». Сыновья Келеров не питали к спиртному ни малейшего интереса, стыдились родителей и поспешили при первой же возможности начать самостоятельную жизнь: заказали костюмы у денверского портного, чисто выбрились у цирюльника и оставили прошлое позади. А вот старик Фриц и Вунш довольно часто дружески распивали бутылку-другую пива. Возможно, основу их приятельства составлял именно стакан, на дне которого обретаются потерянные надежды, а может быть, общие воспоминания о родине – или виноградная лоза в саду, чьи узловатые волокнистые стебли полны тоской по дому и иными чувствами, которые немцы несут с собой по миру.

Добравшись до тамарисковой изгороди, Тея увидела сквозь занавесь розовых побегов, что профессор и миссис Келер пропалывают грядки. Сад походил на рельефную карту, и трудно было представить, что к августу это место зарастет настоящими джунглями. Вьющаяся фасоль и картофель, кукуруза и лук-порей, листовая и краснокочанная капуста – появятся даже овощи, которым нет названия в Америке. Миссис Келер постоянно выписывала по почте семена из Фрипорта и из Старого Света. А цветы! Большие канареечные подсолнухи, тигровые лилии и флоксы, циннии и венерины башмачки, портулак и мальвы – огромные мальвы. Рядом с фруктовыми деревьями росли гигантская зонтичная катальпа и крупнолистный тополь, и две липы, и даже гинкго – крепкое дерево с заостренной кроной и трепетными листьями-бабочками, никогда не склоняющееся перед ветром.

Этим утром Тея с радостью обнаружила, что вынесли наружу два олеандра, зимовавшие в погребе, – белый и красный. Едва ли найдется немецкая семья, не имеющая собственных олеандров, даже в самых засушливых районах Юты, Нью-Мексико или Аризоны. Какими бы непослушными грубиянами ни уродились в Америке немецкие сыновья, вряд ли хоть один из них откажется надорвать спину, таская тяжелые кадки в погреб осенью и наружу весной. Будет оттягивать до последнего, но в конце концов возьмется за дело.

⁴ Дженни (Енни) Линд (1820–1887 гг.) – шведская оперная певица, известная как «шведский соловей». Прославилась в Европе исполнением партий в операх Беллини, Доницетти и Моцарта. В 1850-е годы с триумфом гастролировала по США, став одной из первых мировых музыкальных знаменитостей.

Когда Тея открыла калитку, ее учитель прислонил лопату к белому столбу, подпиравшему башню голубятни, и утер пот рукавом – платков у него почему-то не водилось. Невысокий, коренастый, сгорбленный, Вунш немного походил на медведя. Загорелое кирпично-красное лицо было испещрено даже не морщинами, а глубокими впадинами. Шея мятым кожаным голенищем наплывала на горловину сорочки с медной пуговицей, к которой Вунш никогда не пристегивал воротничок. Вытянутую, словно пуля, голову покрывала короткая железно-серая щетина. Белки вечно заплывших глаз опутывала сеть красных сосудов. У него был грубый рот с презрительным изгибом губ и неровные желтые зубы, истершиеся по краям. Угловатые красные руки, редко чистые, постоянно находились в движении, выражая то нетерпение, а то и сочувствие.

– *Morgen*⁵, – деловито поприветствовал Вунш свою ученицу, надел черный сюртук из шерсти альпаки и, не теряя времени, повел Тею в гостиную, к пианино. Выкрутил табурет на нужную высоту, жестом указал на него и уселся рядом на деревянном стуле. Велел: – Гамма ми-бемоль мажор, – и превратился в слух. Без лишних слов ученица приступила к делу.

Заслышав звуки ее бодрого усердия, миссис Келер в саду невольно стала веселее махать граблями. Временами из гостиной доносился голос учителя:

– Гамма ми минор... *Weiter, weiter!*⁶ *Immer*⁷ я слышу, как хромает первый палец. *Weiter... weiter*, раз... *Schön!*⁸ Аккорды, быстро.

Ученица не проронила ни слова, пока дело не дошло до второй части сонаты Клемента. Тогда она позволила себе негромко упрекнуть Вунша за неудобную аппликатуру.

– Совершенно неважно, что ты думаешь, – холодно ответил тот. – Это единственно правильный порядок. Первый палец сюда. *Ein, zwei, drei, vier...*⁹...

После этого урок продолжался целый час без перерывов. Когда он закончился, Тея повернулась на табурете и оперлась на клавиатуру, готовая, как обычно, немного поболтать с Вуншем. Тот широко улыбнулся.

– Когда ты освободишься от занятий в школе? Будем продвигаться побыстрее.

– На первой неделе июня. Тогда вы дадите мне «Приглашение к танцу»¹⁰?

Вунш пожал плечами.

– Нет смысла. Если хочешь – разучивай сама в свободное время.

– Ладно. – Тея выудила из кармана измятый обрывок бумаги. – Скажите, пожалуйста, как это переводится? Это ведь латынь?

Вунш озадаченно уставился на карандашную строчку и резко спросил:

– Где взяла?

– В книге, которую дал мне почитать доктор Арчи. Она вся на английском, кроме этой фразы. Вы уже ее где-то встречали? – поинтересовалась Тея, пристально глядя на учителя.

– Да. Очень давно, – пробормотал он, нахмурившись. – Овидий!

Вунш вынул из кармана огрызок карандаша, не без труда унял дрожь в руке и написал под словами «*Lente currite, lente currite, noctis equi*» перевод аккуратным, красивым готическим почерком: «Замедлите бег свой, о кони ночи!»¹¹

⁵ Утро (нем.), сокращение от *Guten morgen* – «Доброе утро».

⁶ Дальше, дальше! (нем.)

⁷ Вечно (нем.).

⁸ Хорошо (нем.).

⁹ Раз, два, три, четыре (нем.).

¹⁰ «Приглашение к танцу» – популярная фортепианная пьеса, написанная в 1819 г. Карлом Марией фон Вебером. Он сделал вальс самостоятельным музыкальным произведением и положил начало новой традиции.

¹¹ Цитата из «Любковых элегий» Овидия, книга 1, элегия 13, строка 40. Лирический герой не желает расставаться с возлюбленной, упрекает богиню утренней зари Аврору в том, что она безжалостно спешит дать начало новому дню, и говорит, что если бы она сама возлежала сейчас с возлюбленным, то умоляла бы коней ночи не спешить.

Он убрал карандаш в карман и еще долго смотрел на латинскую фразу, вспоминая стихотворение, которое прочел еще в студенчестве и нашел очень красивым. Сокровища памяти за долги не арестовать – человек повсюду носит их с собой, даже когда не удастся утащить из-под ареста белье, спрятав его в сумке настройщика фортепиано. Наконец Вунш вернул листок бумаги Тее.

– Вот перевод, довольно элегантный, – сказал он, вставая.

В комнату заглянула миссис Келер, и Тея позвала, соскочив с табурета:

– Входите, миссис Келер, и покажите мне лоскутную картину.

Хозяйка со смехом сняла большие садовые перчатки и подтолкнула Тею в гостиную, где висел предмет ее обожания – лоскутная картина почти во всю стену, созданная Фрицем Келером. Он учился ремеслу в Магдебурге, у старомодного портного, который требовал с каждого своего подмастерья выпускную работу: копию какой-нибудь известной немецкой картины, сшитую из лоскутков на льняном холсте, – своего рода мозаику. Ученик мог выбрать тему самостоятельно, и Фриц Келер остановился на популярной картине, изображающей отступление Наполеона из Москвы. Мрачный император и его соратники пересекают каменный мост, а за спинами у них пылает город – крепостные стены из серой ткани с оранжевыми язычками пламени вокруг куполов и минаретов. Наполеон восседает на белом коне, а Мурат в восточном мундире – на гнедом жеребце. Тее никогда не надоедало рассматривать картину и слушать рассказы о том, как много времени Фриц на нее потратил и как она чудом спаслась от моли и пожаров. С шелком работать было бы гораздо проще, объясняла миссис Келер, чем с шерстью, которую трудно раздобыть в нужных оттенках. Поводья, звездочки на шпорах, нахмуренные брови императора, заливчатые усы Мурата, огромные кивера гвардейцев – все было передано с дотошной точностью. Восхищение Теи грело сердце миссис Келер. Много лет минуло с тех пор, как она показывала чудесные детали картины своим маленьким сынишкам. Поскольку миссис Келер не ходила в церковь, она не слышала песен, кроме тех, что доносились из мексиканского поселка, поэтому Тея часто пела ей после урока.

– По воскресеньям, проходя мимо церкви, я слышу твоё пение, – заметил Вунш и указал ученице на фортепиано.

Тея покорно села на табурет и начала гимн «Придите, безутешные»¹². Вунш слушал задумчиво, положив руки на колени. Дивный детский голос! Миссис Келер прикрыла глаза и расплылась в счастливой улыбке. В оконном проеме плясала крупная муха, солнечный свет лежал золотистым прудом на ковре и заливал поблекшие подушки из кретона на кушетке под лоскутной картиной. «Во всякой земной печали дадут Небеса утешенье», – отзвучала песня.

– Полезно об этом помнить. – Вунш встряхнул головой и вопросительно взглянул на Тею. – Ты веришь?

– Не знаю... Наверное, – смущенно пробормотала она, нервно постукивая средним пальцем по черной клавише.

Учитель резко встал.

– Не забудь, к следующему занятию – терции. И вставать тебе надо пораньше.

Тем вечером было так тепло, что Фриц и герр Вунш после ужина устроились в беседке, увитой виноградными лозами. Они молча курили трубки, а из мексиканского поселка доносились звуки скрипок и гитар. Еще долго после того, как Фриц и его старушка Паулина ушли спать, Вунш неподвижно сидел в беседке, глядя сквозь завесу пушистых виноградных листьев, как движутся мерцающие части небесного механизма.

«Замедлите бег свой, о кони ночи...»

¹² «Придите, безутешные» (*Come, ye Disconsolate*, 1831 г.) – христианский гимн на слова ирландского поэта Томаса Мура, который часто исполняется в протестантских церквях. Он выражает утешение скорбящим и надежду на божественное милосердие.

Эта строка разбредила память, и теперь он размышлял о собственной юности, давно миновавшей, и о едва начавшейся юности своей ученицы. Он взлелеял бы надежды о ней, если бы годы не сделали его суеверным. Вунш верил, что все его надежды обречены не сбыться; что его чувства приносят несчастья, особенно молодым; что его мысли вредят всему, чего бы ни коснулись. Он преподавал в музыкальных школах Сент-Луиса и Канзас-Сити, где выходил из себя от поверхностности и самодовольства юных мисс. Он сталкивался с дурным обращением и обманом, попадался на уловки мошенников всех мастей; неудачи преследовали его по пятам. Играл в оркестрах, где не платили, и в бродячих оперных труппах, которые распадались, не заработав ни цента. И повсюду за ним следовал вечный враг, самый безжалостный из всех. Вунш уже давно ни о чем не мечтал и ничего не хотел, кроме удовлетворения телесных потребностей. Теперь, испытывая соблазн надеяться на будущее, пусть даже не на свое, он встревоженно качал головой.

Его привлекало упорство юной ученицы, ее непоколебимая воля. Вунш слишком давно жил среди людей, стремившихся получить все, не вложив ничего, и привык не ждать ни от кого серьезности. Теперь она неожиданно появилась на его пути, пробудив воспоминания о стандартах, честолюбивых желаниях, давно забытом обществе. Что же напоминает ему эта девочка?.. Наверное, желтый цветок в сиянии солнца. Нет, стройный бокал, наполненный благоуханным игристым мозельским вином. Вунш почти видел перед собой этот бокал, в котором всплывают и лопаются пузырьки, как бесшумные энергетические разряды в мозгу и нервах, как закипающая молодая кровь... Тут ему стало стыдно за свои мысли, и он, повесив голову, побрел на кухню.

V

В начальных классах детям иногда задавали изобразить рельефную карту Мунстоуна на песке. Если бы они использовали цветной песок, как в мозаиках лекарей навахо, получилась бы карта социальных слоев Мунстоуна, поскольку те совпадали с топографическими границами и были очевидны каждому ребенку.

Главная деловая улица, Мейн-стрит, разумеется, пересекала центр города. К западу от нее жили, как выражалась Тилли Кронборг, люди из «общества». Вдоль Сильвестер-стрит, третьей параллельной улицы к западу от Мейн-стрит, тянулись лучшие дома Мунстоуна. Она была самой длинной в городе, и на ее северном конце, почти за милю от здания суда, стоял дом доктора Арчи с большим двором и садом за забором из белого штакетника. Методистская церковь располагалась в центре города, фасадом на площадь перед зданием суда. Кронборги жили в полумиле от церкви, на улице, которая длинной рукой тянулась до железнодорожной станции. Это была первая улица к западу от Мейн-стрит, застроенная только с одной стороны. Дом пастора выходил окнами на овражек, полный подсолнухов и железного лома. За оврагом выстроились в ряд тыльные фасады кирпичных и деревянных торговых зданий. Тротуар вел от дома до самой станции, так что все железнодорожники и работники станции по пути в город проходили мимо калитки Кронборгов и часто останавливались поболтать с Теей и миссис Кронборг. Об одном из них позже будет рассказано подробнее.

К востоку от Мейн-стрит, в сторону глубокого ущелья, которое южнее огибало мексиканский поселок, жили скромные обитатели Мунстоуна – те, кто имели право голосовать, но не могли избираться. Эта часть города, в отличие от Сильвестер-стрит, была застроена без архитектурных изысков – невысокие домики с мансардами скромно держались в тени тополей, укрываясь плющом. Здешние обитатели не имели нужды выставлять напоказ свой общественный статус, и тут было не найти парадных дверей со стеклянными окошками и дверными звонками, а за закрытыми ставнями не прятались роскошно обставленные гостиные. В этих краях старухи стирали на заднем дворе, а мужчины сидели с трубкой прямо на пороге. Тея любила возить маленького Тора по тихим тенистым улочкам, где не водилось ухоженных газонов и никто не сажал вяза и сосны, довольствуясь пышной красотой дикорастущих деревьев. Здесь у нее было много друзей – пожилых женщин, которые дарили ей желтые розы или побеги кампсиса и утешали Тора печенюшкой или пончиком. Тею они звали «пасторова дочка», хотя самого отца вежливо называли мистером Кронборгом.

Доктор Арчи очень гордился садом, которым занимался сам. Только ему удавалось в Мунстоуне выращивать вьющиеся розы, а его клубника славилась по всему городу. Как-то утром, повстречав на улице Тею, доктор взял ее за руку и окинул, как всегда, оценивающим взглядом.

– Ты еще не заходила ко мне за клубникой, а она сейчас в самом соку. Миссис Арчи не представляет, куда ее девать. Возьми корзину побольше и набери сколько хочешь. Скажешь миссис Арчи, что это я тебя послал.

Дома Тея призналась матери, что не хочет идти, потому что не любит миссис Арчи.

– Она и впрямь странная, – согласилась миссис Кронборг, – но доктор уже столько раз предлагал, что пора бы сходить. Не укусит же она тебя.

После обеда Тея взяла корзину, посадила Тора в коляску и отправилась на другой конец города, к доктору Арчи. Когда впереди показался его дом, она пошла медленнее, то и дело останавливаясь нарвать чины и одуванчиков, которые Тор потом комкал в кулачке.

Каждое утро, едва доктор Арчи уходил из дома, его жена закрывала все окна и двери, чтобы в дом не налетела пыль, и опускала шторы, чтобы ковры не выцветали на солнце. К тому же это удерживало соседей от желания нанести ей визит. Миссис Арчи была скупа по своей

природе, даже не получая от этого никакой выгоды. Она прекрасно понимала, что ее прижимистость вынуждает доктора тратить больше, чем если бы его ждала вкусная пища в уютном доме, и все же кормила такими обедками, что он избегал обедать дома. Сколько бы молока доктор ни покупал, ему никогда не доставалось густых сливок к клубнике. Даже если миссис Арчи на его глазах снимала с молока толстый желтоватый слой, к моменту подачи на стол сливки каким-то образом становились жиже. Мясник любил шутить насчет того, какое мясо продает жене доктора. Сама она совершенно не интересовалась пищей и ненавидела готовить. Наибольшее удовольствие миссис Арчи испытывала, когда муж уезжал на несколько дней в Денвер – зачастую просто от голода. Тогда она с облегчением закрывала дом и питалась рыбными консервами.

Она отказывалась держать слуг, заявляя, что те слишком много едят и слишком много ломают, да к тому же суют нос куда не следует. Весь свой скудный ум она направляла на поиск способов как можно меньше работать по дому и нередко говорила соседкам, что без мужчин не было бы никаких хлопот. В первое время после замужества миссис Арчи до смерти боялась зачать ребенка. Теперь, когда этот страх поблек, она стала бояться пыли в доме не меньше, чем когда-то страшилась иметь детей, и повторяла, что лучшее средство от пыли – не допускать ее в дом. Миссис Арчи прилагала безмерные усилия к тому, чтобы избежать любых усилий. Почему – не понимал никто, и меньше всего ее муж. Такие мелочные злобные натуры – одна из самых темных и неразрешимых загадок природы. Их поведение не объясняется никакими естественными законами и происходит не от стремления избежать боли или получить удовольствие. Они живут словно насекомые, занятые ничтожной повседневной суетой, и не имеют ни малейшего интереса к благородным движениям человеческой души.

Миссис Арчи любила, как выражалась миссис Кронборг, разгуливать по городу. Она хваталась за любой повод выйти из дома, оставив его в чистоте, темноте и пустоте. Церковные собрания, молитвенные вечера, дешевые представления – с одинаковой охотой она посещала что угодно, а если некуда было пойти, просиживала часы в шляпно-галантерейной лавке миссис Смайли, слушая разговоры покупательниц. Из своего уголка миссис Арчи зоркими, бегающими глазками пристально наблюдала за женщинами, мерящими шляпки, и знала все городские сплетни, хотя сама не отличалась разговорчивостью. Особенно она любила сальные истории – «дорожные анекдоты», как называли их в Мунстоуне, – и ее смех напоминал стук пишущей машинки, а при особенно пикантных поворотах сюжета переходил в скрипучее хихиканье.

Миссис Арчи была миссис Арчи всего шесть лет, а до того звалась Белл Уайт и принадлежала к числу девушек, слывших хорошенькими в городе Лансинг, что в Мичигане. К ней вереницей ходили поклонники, и теперь она могла с полным правом напоминать мужу, что за ней «увивались юноши». Юноши действительно увивались, находя ее весьма бойкой, и говорили между собой: «Ах, Белл Уайт – та еще штучка!» Она любила устраивать безжалостные розыгрыши, казавшиеся молодым людям очень остроумными. Самым многообещающим молодым человеком в Лансинге считался Говард Арчи, и Белл выбрала его – демонстративно, подчеркнуто, так что он, в силу своей натуры, не мог устоять перед столь очевидным проявлением высочайшей милости. Родня Белл смотрела на рослого, красивого двадцатичетырехлетнего жениха с искренним сожалением. В день свадьбы, провожая молодых к алтарю, сестры Белл многозначительно переглядывались. Уверенность безумного влюбленного, его ясное сияющее лицо, ласковая забота, с какой он придерживал невесту за локоток, вызывали неловкость. Сестры испытали облегчение, сбыв Белл с рук, и радовались, что сразу после свадьбы Арчи увезет молодую жену на запад, избавив их от необходимости воочию наблюдать последствия его рокового выбора.

Казалось, и сама Белл с облегчением сбывала себя с рук. То, что она считалась хорошенькой, являлось, очевидно, результатом ее яростной решимости добиться желаемого. Едва она

вышла замуж, закрепились за кем-то, бросила якорь, ее красота исчезла, как брачное оперение птицы после спаривания. Совершив единственное в своей жизни энергичное действие, Белл стала увядать – наружно и внутренне. От пресловутой бойкости осталось лишь скрипучее хихиканье, и за считанные годы она внешне превратилась в злое, мелочное создание, каким всегда и была.

Волоча за собой коляску с Тором, Тея неохотно приблизилась к дому. Клубника ее не интересовала – она пришла, только чтобы не обидеть доктора Арчи, а его жену не любила и побаивалась. Когда Тея протаскивала тяжелую коляску через приоткрытую калитку, раздался крик «Погоди!», и с черного хода выбежала миссис Арчи – худощавая невысокая женщина с маленькой головой и огромной копной светлых кудрявых волос, накрытых передником. Она помогла втащить коляску, опасаясь, что иначе колеса поцарапают краску на столбах.

– Доктор Арчи велел мне пособирать клубнику, – пробормотала Тея, всей душой желая оказаться дома.

Миссис Арчи, шурясь и прикрывая глаза рукой, повела ее за собой к черному ходу, велела подождать и скрылась на кухне.

Тея села на крыльце и стала ждать. Вскоре миссис Арчи вернулась с маленькой деревянной корзинкой для масла в бахrome из папиросной бумаги, вроде тех, что обычно используют на церковных ужинах.

– Тебе ведь нужно куда-то класть ягоду, – пояснила она, не обращая внимания на большую плетеную корзину в коляске Тора. – Бери, можешь потом не возвращать. И не топчи лозы!

С этими словами миссис Арчи удалилась, а Тея, нагнувшись, принялась собирать клубнику. Когда подступившие к глазам слезы отошли, она тут же бросила маленькую корзинку в большую и побежала прочь, изо всех сил толкая перед собой коляску. Тея злилась и одновременно стыдилась, что так поступает с доктором Арчи. Как неприятно ему будет, если он узнает! Подобные мелочи ранят его больше всего. Добравшись до дома, Тея проскользнула через черный ход на кухню и вновь чуть не расплакалась, когда рассказывала обо всем матери.

Миссис Кронборг жарила мужу пончики на ужин. Бросив очередную порцию в кипящий жир, она рассмеялась.

– Удивительно, как устроены некоторые люди! Но на твоём месте я бы не расстраивалась. Лучше представь, каково жить вот так каждый день. Достань-ка из моей сумочки черный бумажник, возьми монетку и купи себе газировки с мороженым в утешение. Тору можно дать немножко мороженого на ложечке – ты ведь его любишь, правда, сынок?

Она наклонилась и вытерла малышу подбородок. Тору было всего шесть месяцев, и говорить он еще не умел, однако мороженое и впрямь любил.

VI

С воздушного шара Мунстоун смотрелся бы Ноевым ковчегом среди песчаного океана под легкой сенью серо-зеленых тамарисков и тополей. Многие горожане пытались выращивать у себя во дворах серебристые клены, однако мода сажать чужеземные деревья, распространенная в североатлантических штатах, до этих краев еще не дошла, и хрупкий, ярко раскрашенный городок в песках укрывали деревья пустыни – с жадными до воды корнями и глянцевыми листьями, вечно шелестящими о влаге, словно капли дождя. Длинные пористые корни тополей, не зная преград, проникали в колодцы, словно крысы в амбар, и похищали воду.

Длинная улица, соединявшая Мунстоун с железнодорожной станцией, пересекала ветреную пустошь между городом и железной дорогой – большой кусок неосвоенной земли, разбитой на не востребуемые наделы. Чем дальше, тем реже и меньше становились дома по обе стороны улицы, пока не исчезали совсем, и дощатый тротуар петлял среди полей подсолнухов вплоть до одинокого кирпичного здания новенькой католической церкви. Владелец соседних пустующих наделов отдал землю приходу в надежде повысить ее привлекательность для покупателей, и в окружной канцелярии этот участок называли «прирезкой Фарьера». В четверти мили за церковью тротуар превращался в мост длиной около пятидесяти футов над глубоким песчаным ущельем, сразу за которым начиналась роща старика Билли Бимера – двенадцать наделов, засаженных стройными высокими тополями. Как восхитительно шелестели на ветру их мерцающие кроны!.. Старик Билли, самый бесполезный пьяница на свете, просиживал дни напролет в лавках, рассказывая сальные истории, а однажды ночью вздумал играть в прятки с маневровым паровозом, и тот вышиб ему прогнившие мозги. Все, что осталось, – тополевая роща, единственное стоящее наследие старика. За рощей начиналось поселение при железнодорожной станции, и дощатый тротуар, миновав поля подсолнухов и кущи тополей, вновь становился связующим звеном между человеческими обиталищами.

Однажды в конце лета доктор Говард Арчи, прикрывая рот шелковым платком, шел домой посреди спящей песчаной бури. Он навещал больную в железнодорожном поселении, а пешком возвращался, чтобы побереечь своих пони, которым несладко пришлось этим утром.

Проходя мимо католической церкви, доктор наткнулся на Тею и Тора. Девочка сидела в тележке, одной рукой придерживая на коленях младшего брата, отталкивалась от земли ногами и рулила рукояткой. Тор вырос довольно крупным и вечно недовольным малышом, которого приходилось постоянно веселить. Тея относилась к этому философски и развлекалась, насколько могла, повсюду таская его за собой. Она так напряженно щурилась, силясь разглядеть тротуар сквозь завесу растрепанных волос и летящего в глаза песка, что не заметила доктора, пока тот ее не окликнул:

– Берегись, Тея, ты вот-вот опрокинешь молодого человека в канаву.

Тележка остановилась. Тея отпустила рукоятку, откинула волосы с пыльного лица и утерла пот.

– Что вы, не опрокину! Мы только раз упали, но обошлось шишкой. Тележка ему нравится больше, чем коляска, да и мне тоже.

– И ты собираешься вот так катиться до самого дома?

– Конечно. Мы далеко гуляем – везде, где есть тротуар. По дороге нельзя.

– По-моему, слишком уж трудоемкое развлечение... Ты не занята сегодня вечером? Не хочешь сходить со мной к пациенту? Вернулся Джонни-Испанец, совершенно больной. Его жена прислала весточку, и я обещал сегодня заглянуть, осмотреть его. Вы ведь с ним давние приятели?

– Я рада, а то она все глаза выплакала. Когда он вернулся?

– Прошлой ночью на шестом поезде. Говорят, даже заплатил за билет – слишком болел, чтобы ехать зайцем. Боюсь, однажды он не вернется... Приходи ко мне в кабинет около восьми. Этого с собой не бери!

Тор словно понял, что его оскорбили, нахмурился и стал пинать тележку с воплем: «Ехай, ехай!» Тея взялась за рукоятку, но доктор Арчи ее остановил.

– Пусть потерпит немножко. Зачем ты позволяешь ему так собой командовать?

– Когда он злится, то бросается на землю, и мне с ним не сладить, – он гораздо сильнее. Правда ведь, Тор? – восхищенно спросила Тея. Ее идол одобрительно забурчал, она энергично оттолкнулась от тротуара, и вскоре тележка скрылась в песчаном мареве.

Вечером доктор Арчи сидел в своем кабинете, откинувшись на стуле, и читал при свете керосиновой лампы. Из распахнутых настежь окон в комнату не проникало ни дуновения – ночь после песчаной бури выдалась душной, и прядь волос, свисавшая надо лбом доктора, пропиталась потом. В кабинет проскользнула Тея. Доктор приветственно кивнул, дочитал абзац, вложил закладку и встал, чтобы убрать книгу на место – в ряд одинаковых томов на верхней полке.

– Как ни приду, вы почти всегда читаете одну из этих книг, – задумчиво отметила Тея. – Очень хорошие, наверное?

Доктор вновь опустил на стул, все еще с книгой в руке, и серьезно сказал:

– Это не совсем книги, Тея, это город.

– То есть книги об истории?

– И да и нет. Это история живого города, а не мертвого. Один француз решил написать о населении целого города – о самых разных людях. И действительно описал почти всех. Да, книги очень интересные. Тебе понравится, когда вырастешь.

Наклонившись, Тея разобрала название на обложке: «Провинциальная знаменитость в Париже»¹³.

– Звучит не особо интересно.

– А на самом деле очень увлекательно. – Доктор всмотрелся в ее широкое лицо под прямым светом лампы, люющим из-под зеленого абажура, и с удовлетворением продолжил: – Да, думаю, тебе понравится. Тебя интересуют люди, а этот француз знал людей, как никто другой.

– Городских или деревенских?

– И тех и других. Люди везде более или менее одинаковые.

– А вот и нет. Люди, проезжающие мимо в вагонах-ресторанах, совсем не такие, как мы.

– Девочка моя, почему ты так решила? Из-за одежды?

Тея покачала головой.

– Нет, не поэтому. Не знаю... – Под пристальным взглядом доктора она отвела глаза и посмотрела на верхнюю полку стеллажа, заставленную книгами. – А когда я подрасту достаточно, чтобы их прочитать?

– Скоро, очень скоро, милая. – Доктор похлопал девочку по руке и осмотрел ее указательный палец. – Вижу, ноготь отрастает хорошо. И все-таки твой учитель слишком тебя нагружает. Вечно ты думаешь о занятиях и тревожишься, – посетовал он, заметив, что при разговоре с ним Тея всегда нервно сжимает и разжимает кулаки.

– Вовсе не перегружает, – упрямо возразила она, глядя, как доктор ставит книгу на место.

Арчи взял черный портфель, надел шляпу, и они спустились по темной лестнице на улицу. Полная летняя луна – временная владычица мира – выбелила песчаную равнину за пределами города, так что каждый кустик полыни четко рисовался на фоне песка, а дюны похо-

¹³ «Провинциальная знаменитость в Париже» – вторая часть романа французского писателя Оноре де Бальзака «Утраченные иллюзии», печатавшегося с 1836 по 1843 г.

дили на сияющее озеро. По дороге к мексиканскому поселку доктор снял соломенную шляпу и нес ее в руке.

В те времена мексиканские поселения к северу от Пуэбло были редкостью, и одно из них возникло здесь по чистой случайности. Сначала в Мунстоуне появился Джонни-Испанец. Он работал в Тринидаде маляром-обойщиком, когда услышал от Рэя Кеннеди, что в Мунстоуне сейчас «бум» и строится множество новых зданий. Год спустя после того, как Джонни обосновался в Мунстоуне, приехал работать на кирпичном заводе его кузен Фамос Серранос, а тому на помощь вскоре прибыли его собственные кузены. Во время забастовки главный механик нанял мексиканцев на работу в паровозное депо. Они приехали незаметно, со своими одедами и музыкальными инструментами, и не успели мунстоунцы глазом моргнуть, как в городе появился мексиканский квартал, где жило с дюжину семей, а то и больше.

На подходе к глинобитным домикам Тея и доктор слышали глубокий баритон Фамоса Серраноса, поющего «Ласточку»¹⁴ под гитару. Все мексиканские дома были окружены маленькими аккуратными садами с тамарисковыми изгородями, цветочными клумбами и бордюрами из ракушек или побеленных камней вдоль ровных дорожек. Окна в доме Джонни не горели. Его жена, миссис Телламантес, сидела на пороге и расчесывала длинные иссиня-черные волосы (в беде и радости, при любых переживаниях мексиканки всегда расчесывают волосы со спартанской невозмутимостью). Завидев доктора, она спокойно встала и без тени смущения приветствовала его с расческой в руках.

– Добрый вечер! Проходите, – пригласила миссис Телламантес низким мелодичным голосом. – Он в дальней комнате. Я зажгу свечу.

Она прошла за гостями в дом, вручила доктору свечу и указала на дверь спальни, а сама вновь устроилась на пороге.

Доктор Арчи и Тея вошли в темную тихую спальню. Больной лежал на чистой постели в углу комнаты. На прикроватном столике стоял стеклянный кувшин с водой. Джонни-Испанец выглядел моложе жены и в здравии был очень красив – стройный, белозубый, с золотистым загаром, гладкой округлой шеей, волнистыми черными волосами и горящими черными глазами. Строгий сильный профиль делал его похожим на индейца. То, что иные принимали за безумие, проглядывало лишь в лихорадочном блеске глаз да жарком румянце на коричневых щеках. Однако этой ночью лицо Джонни носило медно-зеленоватый оттенок, а глаза казались черными провалами. Когда доктор поближе поднес свечу, больной простонал:

– *Mi testa, mi testa*, доктор! *La fiebre!* – Заметив Тею, он попытался улыбнуться. – *Muchacha!*¹⁵

Доктор Арчи сунул градусник ему в рот и скомандовал:

– А теперь, Тея, погуляй снаружи и подожди меня.

Тея бесшумно выскользнула из комнаты и присоединилась к миссис Телламантес. Та, несмотря на свою невеселую молчаливость, кивнула девочке дружелюбно. Тея уселась на теплом песке, спиной к луне, лицом к хозяйке, и стала разглядывать белые цветки ипомеи, опустывавшей дом. Миссис Телламантес считалась в этих краях совершенно несимпатичной – ее типично испанское овальное лицо с крупным подбородком, большим подвижным ртом и высокой переносицей было непривлекательно на американский взгляд. Не умея писать и почти не умея читать, она, сильная натура, жила внутренней жизнью, а мунстоунцы знали ее лишь как женщину, которая терпеливо сносит выходки неисправимого мужа.

Джонни-Испанец всем нравился, хотя никто не понимал, что творится у него в голове. Его популярность, необычная даже для белого человека, была тем более необыкновенна для

¹⁴ «Ласточка» (*La Golondrina*) – популярная мексиканская песня, сочиненная врачом и композитором Нарцисо Серраделем (1843–1910 гг.) в 1862 г.

¹⁵ Голова моя, голова, доктор! Жар!.. Девочка! (*исп.*)

мексиканца. На свою беду Джонни имел талант: превосходно играл на мандолине и неплохо пел высоким, непоставленным тенором. Время от времени его охватывало безумие – иначе не объяснить. Прилежный работник, трудолюбивый и покорный, словно ослик, он мог, разгорячившись в салуне, внезапно запеть и уже не умолкал, пока не охрипнет. Пение сменялось яростной игрой на мандолине, Джонни напивался до полусмерти, а после закрытия салуна, лишившись последнего слушателя, пускался в бег – вдоль железнодорожных путей напрямик через пустыню, пока не запрыгивал зайцем на товарный поезд. Миновав Денвер, двигался все дальше на юг, играя по пути в салунах, и перебирался через границу. Джонни никогда не писал жене, но вскоре она начинала получать газеты из Ла-Хунты, Альбукерка, Чиуауа с подчеркнутыми заметками о том, что Хуана Телламантеса и его прославленную мандолину можно будет услышать в закусочной «Кролик Джек» или салуне «Жемчужина Кадиса». Миссис Телламантес ждала, плакала и расчесывала волосы. Выжав из себя все, выгорев дотла, на грани гибели, ее Хуан неизменно возвращался в заботливые объятия – однажды с ужасной ножевой раной на шее, другой раз без пальца на правой руке. Впрочем, тремя пальцами он играл ничуть не хуже, чем четырьмя.

К Джонни общественность относилась снисходительно, а вот его жену осуждали за то, что она терпит эти выходки. Нет бы приструнить, нет бы развестись – никакого самоуважения! Словом, во всем была виновата миссис Телламантес, и даже Тея считала ее слишком робкой. Вот и теперь, сидя спиной к луне и глядя на невеселое лицо мексиканки под сенью ипомеи, Тея размышляла о том, что нет на свете ничего печальнее такого терпения и покорности. Это еще хуже, чем безумие Джонни, – да и не подталкивает ли его к безумию смирение жены? Нельзя быть такой вялой и покорной. Тее хотелось броситься на песок и закричать на миссис Телламантес. К счастью, вскоре вышел доктор со шляпой в руке.

Хозяйка встала и замерла в уважительном ожидании. Доктор ласково посмотрел на нее и сказал:

– Все та же болезнь, миссис Телламантес, не тяжелее обычного. Я оставил лекарство. До моего следующего визита не давайте ему ничего, кроме воды, настоянной на поджаренном хлебе. Вы хорошая сиделка, сумеете его выводить. – Он ободряюще улыбнулся, потом нахмурился. – Не представляю, что им движет. Он убивает себя, а ведь по натуре вовсе не буйный. Может, вам его связывать? У приступов есть ранние признаки?

Миссис Телламантес приложила руку ко лбу.

– Салун, доктор, возбуждение – вот что его доводит. Люди слушают, и он перевозбуждается.

Доктор покачал головой.

– Может быть... Мне не понять. Что ему это дает?

– Он всегда остается в дураках! – с горячностью проговорила миссис Телламантес. Ее губы дрожали. – Сердце доброе, а головы на плечах нет. Сам себя обманывает. Вам не понять, в этой стране люди развитые. А он всему верит и остается в дураках. – Она подняла с дорожки одну из белых ракушек и поднесла к уху доктора, смущенно наклонив голову. – Слышите? Море шумит, а ведь оно очень далеко. Вы рассудительный, вы понимаете. А он верит, что это и есть море.

Миссис Телламантес вернула ракушку на место. Тея тут же подняла ее, приложила к уху и услышала поразительный звук, похожий на чей-то зов. Так вот почему Джонни сбегает из дома... Тея ощутила благоговейный ужас перед мексиканкой и ее ракушкой.

На обратном пути в Мунстоун она шла вприпрыжку, крепко держась за руку доктора Арчи. Проводив девочку до дома, доктор вернулся в свой кабинет, к лампе и книге. Он всегда допоздна засиживался в кабинете за чтением, если только не играл с кем-нибудь в вист или пул. Убегать от себя давно вошло у него в привычку.

VII

За несколько недель до памятного визита к миссис Телламантес Тея отметила двенадцатый день рождения, а один достойный человек в Мунстоуне уже планировал жениться на ней, как только она достаточно подрастет. Звали его Рэй Кеннеди. Тридцати лет от роду, он работал проводником товарного поезда, курсирующего по маршруту Мунстоун – Денвер. Рэй был рослый мужчина с открытым, типично американским квадратным лицом, твердым подбородком и незапоминающимися чертами – вольнодумец, отчаянный идеалист и, как большинство железнодорожников, крайне сентиментальный человек. Впрочем, Тею привлекала не его личность, а захватывающие рассказы о жизни и приключениях в Мексике и на Юго-Западе. Кроме того, из всех знакомых только Рэй мог отвезти ее в дюны. Дальние дюны – вечный объект мечтаний, самое красивое место в окрестностях Мунстоуна – были для Теи почти недосыгаемы. Ближние песчаные холмы находились всего в нескольких милях от дома Келеров, и там она могла побывать когда угодно, лишь бы отзаниматься утром да сбыть Тора с рук днем. Однако до настоящих дюн – Бирюзовых холмов, как называли их мексиканцы, – было целых десять миль по трудной песчаной дороге. Доктор Арчи иногда брал Тею с собой в поездки по дальним вызовам, однако в дюнах никто не жил, поэтому в те края он не ездил. Единственной надеждой побывать там оставался Рэй Кеннеди.

Тем летом Тея так и не добралась до дюн, хотя Рэй несколько раз планировал воскресные вылазки. Однако сначала заболел Тор, а в другой раз церковный органист уехал по делам, и Тею пришлось три недели подряд заменять его на воскресных службах. Наконец в первое воскресенье сентября Рэй подъехал к калитке Кронборгов в девять часов утра, и они отправились в путь. За Тею увязались Гуннар и Аксель, а Рэй, безыскусно любивший музыку, особенно мексиканскую, пригласил Джонни-Испанца и разделил с миссис Телламантес обязанности по приготовлению ланча и кофе в пустыне.

Тея ехала на переднем сиденье с Рэем и Джонни, а Гуннар с Акселем – на заднем с миссис Телламантес. Они, конечно, протестовали, но в некоторых вопросах Тея умела настоять на своем. «Упрямая, как финны», – порой говорила о ней миссис Кронборг, припоминая старую шведскую поговорку. Когда компания проезжала мимо фермы Келеров, старик Фриц и Вунш как раз стригли виноградные лозы в беседке, и Тея приветствовала их деловитым кивком. Вунш подошел к калитке и проводил повозку взглядом. Он догадывался о надеждах Рэя Кеннеди, с недоверием относился ко всему, что уводит ученицу от пианино, и неосознанно заставлял ее расплачиваться за такие вольности.

Необкатанная дорога тянулась через заросли полыни, из-за спины доносился звон церковных колоколов, и Тея ощущала невероятную свободу от того, что вырвалась из города. Время от времени через дорогу перепрыгивали кролики, а из-под колес взлетали пыльные тетерева, словно одинокие мысли, уносящиеся в пустыню. Чем дальше, тем большую силу обретал мираж: песок казался неглубоким серебристым озером, туманным в лучах солнца, а одинокие коровы, пасущиеся среди редких островков травы, представляли доисторическими гигантами посреди призрачной водной глади, которая тысячелетия назад действительно покрывала эту пустыню. За иллюзорным озером тянулись пастельные дюны: солнечно-желтые, мерцающе-бирюзовые, сиреневые, фиолетовые.

Постепенно дорога стала тяжелее. Лошади перешли на шаг, колеса вязли в длинных волнах песка, образовавшихся после очередной песчаной бури. Через два часа доехали до Впадины Педро, получившей свое название в честь мексиканского головореза, который когда-то успешно отбивался здесь от шерифа. Впадина походила на огромный амфитеатр, вырубленный среди дюн, с ровным утрамбованным дном в зарослях полыни и солянки.

К северу и югу от Впадины Педро тянулись желтые дюны. Их прорезали извилистые ущелья, заполненные мягким осыпавшимся песком. На поверхности этих песчаных рек искрились агаты и ониксы, краснели окаменевшие кусочки дерева, лежали высушенные тельца жаб и ящериц, а еще – птичьи скелеты, покрытые остатками перьев.

После небольшой рекогносцировки миссис Телламантес объявила, что пора перекусить. Рэй, вооружившись топориком, принялся рубить ветки солянки, которая в свежем виде дает такое сильное пламя в костре, а мальчики таскали их на указанное миссис Телламантес место. Мексиканки любят готовить на свежем воздухе.

После ланча Тея отправила Гуннара и Аксея искать агаты.

– Если увидите гремучую змею – бегите, убить не пытайтесь, – напутствовала она.

– А я запросто убил бы, если бы только Рэй дал мне топорик, – возразил Гуннар.

Миссис Телламантес улыбнулась и сказала что-то по-испански. Джонни перевел:

– Да, в Мексике говорят: убей змею, но не оскорбляй ее. В жарких краях, *muchacha*, – продолжал он, обращаясь к Тее, – змей держат в домах для защиты от крыс и мышей. Стелют коврик у очага, и вечерами домашняя змея, свернувшись клубочком, дружески проводит время со всей семьей.

Гуннар презрительно фыркнул.

– В самый раз для мексиканских хлебов!

– Может, и так, – пробормотал Джонни, пожав плечами. Когда мексиканец пересекает границу, он привыкает быть ниже оскорблений или воспарять выше них.

Южная стена амфитеатра отбрасывала узкую тень, и вся компания перебралась под ее защиту. Рэй и Джонни заговорили о Великом Каньоне и Долине Смерти – местах, которые в те времена еще окутывала завеса тайны. Тея превратилась в слух. Миссис Телламантес вынула из корзинки рукоделие и принялась за мережку. Рэй был хорошим рассказчиком и имел массу историй о своих странствиях по континенту. Джонни слушал с интересом.

– Да ты почти везде побывал, как настоящий испанец, – с уважением заметил он.

Рэй, сняв пиджак, задумчиво точил карманный нож о подошву башмака.

– Я рано стал путешествовать. Хотелось повидать мир, вот и сбежал из дома – даже двенадцати не исполнилось. Так с тех пор и мотаюсь сам по себе.

– Сбежал? – заинтересованно переспросил Джонни. – Почему?

– Не ладил со своим стариком, да и фермер из меня никудышный. Мальчишек был полный дом, так что без меня не заскучали.

Поерзав на горячем песке, Тея оперлась подбородком на руку и попросила:

– Рэй, расскажи Джонни о дынях, ну пожалуйста!

Сквозь коричневый загар на лице Рэя проступил румянец, и он взглянул на Тею с упреком.

– Далась тебе эта история! Любишь надо мной посмеяться... Видишь ли, Джон, для моего старика это стало последней каплей. Имел он участок за рекой, недалеко от Денвера, выращивал всякое на продажу. И вот как-то решил поехать в город торговать дынями, а меня посадил на козлы. Денвер в ту пору был не такой знатный город, как сейчас, а мне все равно казался важным до смерти. И надо же было старику поехать напрямик на Капитолийский холм¹⁶! Он стал ходить от двери к двери и предлагать дыни, а мне велел медленно ехать следом. Чем дальше, тем больше я вскипал, но старался не подавать виду, как вдруг задвижка сзади открылась, дыня выпала – и всмятку. Тут как раз вышла из большого дома нарядная-пренарядная девушка и говорит: «Мальчик, у тебя дыни посыпались!» А пизоны на другой стороне улицы снимают шляпы, кланяются ей и смеются. Ну, тут я не выдержал – как хлестанул лошадей кнутом, как поскакали они вверх по холму, что твои кролики! Сзади проклятые дыни сыплются,

¹⁶ Капитолийский холм, или Кэпитол-хилл, – район, где в описываемый период жили самые богатые денверцы.

старик ругается, все хохочут. Я несея без оглядки, а все равно представляю, до чего Капитолийский холм перепачкал. Мчался, пока не выбрался из города, а там оставил повозку на ранчо у знакомого. Дома меня ждала взбучка – так я и не вернулся. До сих пор, наверное, ждет.

Тея со смехом перекатилась на спину.

– Ах, вот бы мне поглядеть, как сыпались дыни! Смешно до ужаса! Рэй, а расскажи Джонни о своей первой работе.

У Рэя было немало хороших историй. Наблюдательность, честность и доброта – пожалуй, главные качества хорошего рассказчика, и Рэй ими обладал. Иногда он вставлял газетные клише, добросовестно усвоенные в попытках самообразования, но когда говорил своими словами, его стоило послушать. Рэй никогда не ходил в школу и пытался восполнить этот недостаток едва ли не с той самой поры, как убежал из дома. Пастушком затер до дыр старый учебник грамматики и читал со словарем поучительные книги. Не одну ночь у костра он провел, корпя над историями Прескотта¹⁷ и сочинениями Вашингтона Ирвинга, которые покупал у книготорговцев втридорога. Математика и физика давались ему легко, а вот гуманитарные предметы куда хуже, и он не жалел труда, чтобы их постичь. Рэй был вольнодумцем и притом непоследовательно верил, что обречен за это на вечные муки. В пору работы тормозным кондуктором в «Санта-Фе» он любил в конце рейса забраться на верхнюю полку в служебном вагоне и читать речи Роберта Ингерсолла¹⁸ или «Век разума»¹⁹, пока товарищи внизу шумно играли в покер у печки.

Рэю была свойственна преданность, и отказ от веры дался ему нелегко. Пасынок Фортуны, он имел очень мало, несмотря на усердный труд. Другие всегда оказывались удачливее его. К финансовым схемам, сулящим деньги, он присоединялся чересчур рано или, наоборот, слишком поздно. За время долгих странствий приобрел лишь массу информации (в сущности верной, но бессистемной и потому ведущей к заблуждениям), высокие стандарты чести, сентиментальное поклонение всем женщинам – и дурным, и хорошим, – да горькую ненависть к англичанам. Тея часто думала, что лучшее в Рэе – любовь к Мексике и мексиканцам, которые привечали его бездомным мальчиком по ту сторону границы. В Мексике его звали сеньором Кенайди, и на это имя он откликался будто другим человеком. Рэй бегло говорил по-испански, и солнечная теплота этого языка не давала ему сделаться чересчур твердым, как его же подбодок, и ограниченным, как его познания в области популярной науки.

Закурив сигару, Рэй завел с Джонни разговор о великих богатствах, которые добываются на Юго-Западе, и о знакомцах, которым повезло озолотиться.

– Ты, наверное, участвовал там в больших делах? – доверчиво спросил Джонни.

Рэй с улыбкой покачал головой.

– Участвовать-то я участвовал, Джон, да ничего толком не получил. То слишком долго держался, то слишком рано выходил. Но я еще возьму свое, вот увидишь. – Рэй задумчиво откинулся на песке, опершись на локоть. – Почти поймал удачу в Брайдал-Чембер. Не выйди тогда из дела, стал бы богачом. Немножко не дотерпел.

– Да ты что! – восхитился Джонни. – Это серебряный рудник?

¹⁷ Уильям Хиклинг Прескотт (1796–1859 гг.) – американский историк, прославившийся трудами по истории Испании и Испанской Америки. Его книги пользовались популярностью у массового американского читателя как образец яркой, повествовательной исторической прозы.

¹⁸ Роберт Грин Ингерсолл (1833–1899 гг.) – американский оратор, юрист и публицист. Его блестящие и остроумные речи, направленные против религиозного догматизма и в защиту разума, науки и личной свободы, публиковались и были широко известны.

¹⁹ «Век разума» – философско-публицистическое сочинение Томаса Пейна (1737–1809 гг.), одного из идеологов Американской революции, с резкой критикой официальной религии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.